

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СЫМСКИХ КЕТОВ*

Сравнительное изучение языка сымских и имбацких кетов, проводимое в настоящее время ЛЮ Института языкознания АН СССР, позволяет сообщить о некоторых результатах исследования, способствующих выяснению отдельных трудных вопросов морфологии кетского языка¹.

Удалось установить, что в имбацком грамматическая категория числа пронизывает всю морфологию — все части речи. Этот вывод полностью подтверждают и материалы сымского языка. Между тем, до последнего времени в кетском изучались только способы выражения мн. числа. Нами же в имбацком выявлены реликтовые форманты ед. числа *j, n, l', c', m, p', x, ɣ, a*². В сымском же в качестве реликтовых формантов ед. числа нами выделяются *j, ш, p, m, к*. Изучение сымского показывает, что эти реликтовые форманты имеют первостепенное значение для определения природы загадочных морфем, условно названных нами детерминативами. К ним в имбацком и в сымском относятся *к, m, ɣ ~ ɣ, и, ɔ ~ ɔ', x, ч, ф, j*. Реликтовые форманты ед. числа, сохранившиеся в кетском, позволяют вскрыть в большинстве детерминативов числовую природу.

Анализируя морфемный состав атрибутивных форм количественных числительных *хуш-/хус'*³ «один» для счета неактивных предметов класса вещей и *хок-/қок* «один» для счета активных существ, в них можно выделить морфемы *ɣ/ɣ, ш/с', к*, из которых каждая выражает значение единичности, в чем мы убедимся ниже. Что же касается гласных *y, o*, то употребление их также не случайно: морфема *y* в составе личных показателей группы Б⁴ соотносится с классом вещей и с классом женщин, а морфема *o* — с активным мужским классом. Поскольку в кетском количественные числительные до пяти связаны с выражением классных значений, можно предполагать, что в енисейском языке-основе реликтовые форманты ед. числа также были тесно связаны с выражением дополнительных классных значений, поскольку иначе невозможно объяснить причины их обилия.

* До последнего времени языки сымских и имбацких кетов рассматривались в качестве диалектов кетского языка, но недавно была высказана точка зрения на них как на самостоятельные языки (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Предисловие, в кн.: «Кетский сборник. Лингвистика», М., 1968, стр. 5). Под термином «сымский» и «имбацкий» нами будут подразумеваться отдельные языки; под термином «кетский» — оба языка.

¹ Предлагаемое предварительное сообщение написано на месте сбора материала в поселке Ворогово Туруханского района. Приводимые ниже материалы сымского языка записаны нами от последних посетительниц этого языка в пос. Ворогово — Дарьи Федоровны Савенковой (1902 г. р.) и Татьяны Семеновны Латиковой (1884 г. р.).

² См.: Е. А. Крейнович, о в и ч, Способы действия в глаголе кетского языка, «Кетский сборник», стр. 81—82.

³ Перед косой чертой помещаются сымские, а после нее имбацкие данные, представленные в наших материалах суломайским говором. В дальнейшем, говоря об имбацком, мы будем иметь в виду только данные этого говора.

⁴ О личных показателях групп Б и Д см.: Е. А. Крейнович, о в и ч, Глагол кетского языка, Л., 1968, стр. 22.

Изучение грамматической категории числа в кетском сильно затрудняется тем, что эта категория представлена здесь в разрушенном виде и выражается обилем реликтовых и асемантизированных морфем, флексией гласных, долготой, переносом ударения, а также двойными и тройными показателями мн. числа. Асемантизация числовых морфем приводила к тому, что они сращивались с основой слова, причем на них могли наращиваться аналогичные числовые показатели, часть из которых могла подвергаться переосмыслению. Для того чтобы нагляднее представить эти процессы, обратимся к сопоставлению ряда лексем в имбацком и сымском.

	Имбацкий		Сымский	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
«Бурундук»	ко-п	ко-п	коп	коф-ы-п
«Горностай»	кул'э-п	кул'а-п	кулэп	кулэф-ы-п
«Куропатка»	ассу-п	ассу-п	ассуп	ассуф-ы-п
«Косач»	ху-п	ху-п	хуп	хуф-ы-п
«Звезда»	фо-х	фо-п	хох	хох-ы-п
«Утка-гоголь»	то-х	то-п	тох	тох-ы-п
«Журавль»	тау-х	тау-п	та:²к	таг-ы-п
«Жердь (чума)»	лпн'	лпн'-и-п	лпн'ин	лпн'ин-и-п

Уже из приведенных примеров (а число их может быть увеличено) видно, что имбацкий сохранил еще формы ед. числа у ряда имен существительных; в сымском форме эти асемантизировались и поэтому срослись с корневой основой существительного, образовав новую основу слова, к которой присоединяются показатели мн. числа. В последнем примере — сымск. лпн'ин-и-п — асемантизации подвергся показатель мн. числа, который в результате реинтерпретации вошел в состав основы слова, а она в свою очередь получает показатель мн. числа⁵. Таким же путем возникли и случаи утроенных показателей мн. числа в кетском: *кај* «гора» — *каң'иң* «горы» и т. п.

Имбацкий и сымский сохранили древние формы числа не только в области имени, но и в области глагола. Эти реликтовые факты, дополняя друг друга, помогают в известной мере истолкованию глагольных детерминативов. Но прежде чем перейти к изложению этих данных необходимо несколько слов сказать о структуре сымского глагола.

Сымский глагол в структурном отношении почти ничем не отличается от имбацкого глагола. Как и в последнем, в нем выделяются пять типов глагольных слов: I — глаголы с основой в конце слова; II — составные глаголы; III — глаголы со сложной прерывной основой; IV — глаголы с простой прерывной основой, имеющей корневую морфему в начале слова и деривационную в конце; V — глаголы с простой прерывной основой, имеющей деривационную морфему в начале слова и корневую в конце.

Сымские глаголы, как и имбацкие, членятся на морфемы корневые и аффиксальные — деривационные и реляционные, детерминативы и интерфиксы. Одна и та же корневая морфема может занимать в составе сымского глагола любую позицию. Так, например, от сымского инфинитива (глагольного имени) *чаң* «волочить; тащить» образуются глаголы I типа: *ду-ди-чаң* «он-меня-тащит» (на нарте); *ду-ј-а-чаң* «он-ползет» (подползает к животному, дословно «он-себя-тащит»); *ч-а-ди-чаң* «часто-меня-таскает» (на нарте); II типа: *чаң агаҕан* «тащить он-будет; тащить он-начнет»; III типа с корневой морфемой *-чаң* в конце сложной прерывной основы и в середине глагола в качестве члена, составляющего первый

⁵ На это явление впервые обратила внимание молодая исследовательница кетского языка Т. И. П о р о т о в а (см. ее автореф. канд. диссерт. «Образование и употребление форм числа существительных кетского языка», Томск, 1968, стр. 17).

компонент сложной прерывной основы: *δ-лт-а-п-чаң* «я-на-берег (из воды)-это (лодку)-вытащу», *δ-игδ-а-п-чаң* «я-к-реке-это (лодку)-поташу»; *δ-ајфаңчаң-а-г-э-н* «мы-ловим-неводом» (рыбу) (*ајфаң* «невод», дословно «мешковая сеть» от *ај* «мешок» и *фаң* «сеть», *ајфаңчаң* дословно «мешковую сеть тащить», -э «делать»); IV тип: *чаңхибит* «поташу-это»; V тип: *к-а-ј-чаң* «его (осетра, попавшего на крючок самолова)-вытащу» (из воды).

Наблюдения над поведением корневых морфем в кетских глаголах повозлило нам в свое время высказать мнение, что не только корневые, но и некоторые аффиксальные морфемы могут встречаться в кетских глаголах во всех позициях, т. е. в конце, в середине и в начале слова; это подтверждают также и данные сымского языка. Обратимся к табл. 1, читать которую надо справа налево. Значения числовых показателей, находящихся в конце имен и глаголов, выступают наиболее рельефно. В начальной же позиции числовые значения морфем стерты. Поскольку некоторые факты в сымском нам еще не встретились, мы восполняем их имбацкими данными, представленными в наших записях суломайским говором (в табл. 1—С.).

Из табл. 1 явствует, что форманты ед. числа имен существительных *-х, -т, -һ ~ -х, -ш ~ -с* в одних глаголах выступают в качестве показателей ед. числа субъекта действия, а в других — в качестве показателей ед. числа самого действия, т. е. его однократности. Точно так же показатели мн. числа имен существительных *-һ, -н* в одних глаголах выступают в качестве показателей мн. числа субъекта действия, а в других — в качестве показателей мн. числа самого действия, т. е. его многократности и длительности. Так как показатели *к, т, һ ~ х* и *н* встречаются в начале, конце и в середине глаголов, то этим самым подтвердилось высказанное нами некогда положение, что некоторые аффиксальные морфемы могут встречаться в глаголах во всех позициях.

Поскольку в кетском имеются омонимичные корневые и аффиксальные морфемы, которые могут встречаться в глагольных словах во всех позициях, то нередко определение структуры того или иного глагола бывает сильно затруднено, пока не обнаружатся опознавательные признаки, которые позволят понять, что является в нем корневой, а что деривационной морфемой. Наглядный пример этого представлен в табл. 2, где занимающая первую позицию корневая морфема *к* внешне может быть сопоставлена с деривационной морфемой однократного способа действия *к* (см. I раздел в табл. 1).

Рассматривая табл. 2, в которой собраны глаголы со значением действий, производимых только поперек предмета⁶, можно видеть, что начальная корневая морфема *к* указывает в них на однократное действие, производимое поперек предмета; другая же начальная корневая *фа-* указывает на многократное действие, также производимое поперек предмета или предметов. Если глагол *каб'э* «разрежу-это» означает, что предмет, например хлеб, разрезан однократным действием пополам, либо таким же действием от него отрезан кусок, то глаголом *фа : сэ* передается, что предмет разрезался многократно (т. е. он либо разрезан на части, либо от него несколько раз отрезались куски). Мы считаем, что в первом и во втором глаголах со значением «резать; рубить» (табл. 2) корневые морфемы *к* и *фа-* выражают свое прямое лексическое значение «резать». Что же касается глаголов со значением «ломать» и «рвать», то в них морфемы *к* и *фа-* выражают переносные значения, указывая главным образом на то, что некоторое действие производится н о п е р е к предмета либо один раз, ли-

⁶ Намп составлена аналогичная таблица глаголов со значениями действий, производимых вдоль предмета, — такое действие обозначается деривационными морфемами *уш-у-, ушин-уш-*.

Таблица 1

Разде- лы	Число					
	действия	субъекта действия	предмета	аф- фикс		
I	к-иптиң «покатит-это»	<i>С. унхво-к</i> «треснет-это» (пополам)	<i>а-к-са : р</i> «он-перено- чует»	<i>Ху-к</i> «отверстие» (норы, ноздри)	к	ед.
		<i>С. ус'нхво-ң</i> «треснет-это» (на много ча- стей)	<i>а-ң-и-са : р</i> «они-перено- чуют»	<i>Ху-н-ы-ң¹</i> «отверстия» (нор, ноздрей)	ң	мн.
II	т-ипсиң «завяжет-это»	<i>даңып-т-о</i> «он-повесит- это»	<i>дис'аге-т</i> «он-гребет»	<i>Хо-т</i> «след»	т	ед.
		<i>даңыб-о-ң</i> «он-повесит- эти»	<i>дис'аге-н</i> «они-гребут»	<i>Хы-н-ы-ң</i> «следы»	н~ң	мн.
III	С. ң-ибдил' «наденет-это»	<i>дул'табда-х</i> «он-отвяжет- это»	<i>тиса-х-о</i> «он-зарядит»	<i>С. қо-э</i> «звезда»	қ~х	ед.
			<i>тиса-ң-о-н</i> «они-зарядят»	<i>С. қо-н</i> «звезды»	н~ң	мн.
IV	н-ајадл:ʔј «он-шевелится»	<i>ду-ш-аптит</i> «он-расколет- это» (пополам)	<i>дускабу-с</i> «он-открое- т-это»	<i>Ху-ш «чум»</i> <i>б'эш «заяц»</i>	ш~с	ед.
			<i>душ-и-н-аптит</i> «он-расколет- это» (на много частей)	<i>дускабэ-н</i> «они-откроют- это»	<i>Ху-ң «чумы»</i> <i>б'эш-и-н «зай- цы»</i>	н~ң
V	С. н-ајэ'иј «он-шевелится»	<i>С. ду-ш-аптит</i> «он-расколет- это» (пополам)	<i>С. дускавус</i> «он-открое- т-это»	<i>С. қу-с' «чум»</i> <i>б'эс' «заяц»</i>	с	ед.
			<i>С. ду-с-н-ап- тит «он-раско- лет это» (на много частей)</i>	<i>С. дускавус-н</i> «они-откроют- это»	<i>С. қу-ң «чумы»</i> <i>б'эс'-н «зайцы»</i>	н~ң

¹ Ср. имбацк. *хукиң* «отверстия нор». Точность сымских форм проверялась нами неоднократно на месте. Замену некоторых конечных согласных суффиксом мн. числа впервые отметил М. А. Кастрен, но он не считал их показателями ед. числа.

бо много раз. Поскольку морфема *к-* (и *фа-*) в этих глаголах указывает не только на количественный характер действия, но и на его направление, она должна относиться не к деривационным, но к корневым морфемам. Таким образом, числовые представления глубоко пронизали структуру кетского глагола — если в имени числовые представления выражаются аффиксальными морфемами, то в кетском глаголе они выражаются не только аффиксальными, но и корневыми морфемами.

Глаголы, приведенные в табл. 2, сложные. Лексические значения, выражаемые ими, не представляют собой простого сложения суммы значений, собственных их прерывно расположенным корневым морфемам. Конечные корневые морфемы этих глаголов означают: *-э* «делать», *-д'у* «тесать», *-тит* «бить», *-чи* «теревить; врать», *-уң* «рубить (?)», *-дук*, возможно, означает «сдвинуться» (ср. *дид-дук* «я-подвиусь»). Вне всякого сомнения, конечные корневые морфемы, употребляясь в ряде случаев

Таблица 2

Объект действия или субъект действия	Однократность к-	Множественность фа-
баңгал «осетра»	к-а-ј-э «разрежу-его» к-б-н-э «разрезал-его»	фа:-д'-а-ј-э(о) «разрезаю-его» фа:-д'-б-р-э(о) «разрезал-его»
о°к «стерлядь»	к-й-ј-э «разрежу-ее» к-й-т'-н'-э «разрезал-ее»	фа:-д'-й-ј-э(о) «разрезаю-ее» фа:-д'-й-д'-и-р-э(о) «разрезал-ее»
баа'чи «голову рыбы»	к-а-б'-э «разрежу-это» к-а-б-ы-н-э «разрезал-это»	фа:-с-э(о) «разрезаю-это» фа:-р-э(о) «разрезал-это»
баңгал «осетра»	к-а-ј-уц «разрублю-его» к-о-н-уц «разрубил-его»	фа:-д'-а-ј-д'уц ² «изрублю-его» фа:-д'-б-н-д'уц ² «изрубил-его»
о°к «стерлядь»	к-и-ј-уц «разрублю-ее» к-и-т'-н'-уц «разрубил-ее»	фа:-д'-й-ј-д'уц ² «изрублю-ее» фа:-д'-и-д'-й-н-д'-уц ² «изрубил-ее»
баа'чи «голову рыбы»	к-а-б-уц «разрублю-это» к-а-б-ы-н-уц «разрубил-это»	фа:-с-д'уц ² «изрублю-это» фа:-н-д'уц ² «изрубил-это»
бандыр «черемуху»	к-а-ј-тит' «переломлю-его» к-о-н-тит' «переломил-его»	фа:-д'-а-ј-тит' «изломаю-его» фа:-д'-б-н-тит' «изломал-его»
А:χ «сук»	к-а-п-тит' «переломлю-это» к-а-б-ы-н-тит' «переломил-это»	фа:-с-тит' «изломаю-это» фа:-н-тит' «изломал-это»
бандыр «черемуху»	к-а-ј-дук «сломается-он» ¹ к-о-н-дук «сломался-он»	
А:χ «сук»	к-а-б-дук «сломается-это» к-а-б-ы-н-дук «сломалось-это»	фа:-с-а-тат' «изломается-это» фа:-н-а-тат' «изломалось-это»
ац «веревку»	к-а-п-чи «порву-это» к-а-б-ы-н-чи «порвал-это»	фа:-с-чи «изорву-это» фа:-р-чи «изорвал-это»
ац «веревка»	к-а-б-а-чи ² «порвется-это» к-а-б-ы-н-а-чи «порвалось-это»	фа:-с-а-чи-д'ин «изорвется-это» фа:-р-а-чи-д'ин «изорвалось-это»

¹ Соответствующая графа «множественность» не заполнена: Т. С. Латинова давала здесь формы, совпадающие с нижеприведенными формами класса вещей.

² а- — показатель непереходности и пассивности.

в переносном смысле, также привносят в глагол количественное значение. Так, например, корневая морфема -д'у < д'у «тесать», несомненно, привносит в глагол со значением «изрубить» дополнительное к первой корневой морфеме фа- значение множественности действия.

Выяснение числовой природы некоторых детерминативов, произведенное нами в табл. 1, отнюдь не снимает проблемы детерминативов в кетском языке, что наглядно можно показать хотя бы на примере с детерминативом ɣ ~ χ. Сравним для этого следующие смыские инфинитивы (глагольные имена) с образованными от них личными формами глаголов: ɣут' «шаманить», но ди-ј-ут' «я-шаманю», д-и-р-ут' «я-шаманил»; ɣит' «строгать», но ди-б-ыт' «я-строгаю», д-и-р-ыт' «я-строгал»; ɣи:н' «течение», но бо-к-с-ы-ɣ-ин' «меня-несет-течением», бо-р-ын' «меня-несло-течением»; -ɣут «бежать; гнаться», но д-и-н-ч-а-ɣ-ут «я-побегу», д-и-н-ч-а-р-ут «я-побежал», бо-к-с-ы-ɣ-ут «гонится-за-мной», но бо-р-ут «гнался-за-мной»; ɣут «взбираться на гору», но ди-г-а-ɣ-ут «я-поднимусь-на-гору», к-о-н-ут «поднялся на гору». Выступая в инфинитиве, детерминатив ɣ может выпадать в личных формах глагола, что, однако, не влияет на лексическое значение последнего. Детерминатив ɣ встречается также в некоторых именах и глаголах в сымском, но в имбацком он выпадает, оставив, однако, о себе след в виде долготы⁷: бауат/ба:т «старик», ба:уам ~ ба:уам/ба:ам «старуха»; тб:уонь/то:нь «берестяной заслон от снега в зимнем чуме»; а:хан ~ а:хын/ъ:н «варить»; а:хаткин/ы:т'ки-

⁷ В сымском в середине слова отмечается еще детерминатив -ф-, выпадающий в имбацком: сифы/си: с «куча», ɣф'ал'ъ:л «осина», ɣф'и/р:эл «ягода», ɣр'ах/элла «берестяная дверь чума», аф'ица/а:и:ц «играть», иф'ин/ин «стоять» и др.

на «покажи»; *д-Ауан-батабдо* / *д-А:н-батѣбдо* «он-меня-тычет». Следует отметить, что в коттском языке в инфинитивах *ихси* «собирать», *сухи* «отрывать» обнаруживается компонент *x*, также выпадающий в образованных от них глаголах⁸. В некоторых имбацких инфинитивах также имеются начальные *к-* и *х-*, которые выпадают при образовании от них личных форм глаголов. Учитывая все эти факты, можно полагать, что детерминативы были свойственны всем енисейским языкам, но из-за отсутствия надежных данных по исчезнувшим языкам их проблема не может быть еще в полной мере решена⁹.

Трудность решения проблемы состоит еще в том, что древние детерминативы, выражавшие не одни только числовые, но и некоторые классные и местоименно-указательные значения, давно уже подверглись асемантизации, переосмыслению и полному сращению с корневыми морфемами, в связи с чем их трудно обнаружить и вычленил из слова. Процесс асемантизации и переосмысления морфем в кетском — явление не только предполагаемое, но реальное, подтверждаемое фактами современного языка. Рассмотрим в связи с этим примеры, помещенные в IV и V разделах табл. 1.

Факты, помещенные в IV разделе табл. 1, показывают, что числовые морфемы *с* ~ *ш* и *н* получили в сымском естественное развитие от показателей числа предметов к показателям субъекта действия, а затем — к показателям однократности или многократности действия и, наконец, к показателям длительности действия. Так, постепенная десемантизация и переосмысление морфемы *н* привела к тому, что *н* стала употребляться в качестве показателя длительности действия. В сымском от инфинитива *нут* «сосать» образуется прерывная основа глагола *н-а-м-ут* «сосет-это (грудь)», *н-о-м-ы-р-ут* «сосал-это», *н-а-д'-ут* «соси», где корневая морфема *-ут* означает «сосать»¹⁰, а *н-* указывает на длительный характер действия. Те же явления асемантизации и переосмысления числовых морфем, но не столь последовательно, как в сымском, представленные всеми ступенями своей градации, обнаруживаются и в имбацком, факты из которого помещены в V разделе табл. 1. Нетрудно заметить, что в именах существительных морфемы *-с'* ~ *-с* и *-н* сохраняют свои предметные числовые значения, но в глаголе *дускавус* «он-открывает-это (ящик)» морфема *-с* выступает уже не в роли показателя ед. числа субъекта действия, а в качестве показателя однократного способа действия, что видно из сравнения этого глагола с глаголом *дускавэц* «он-откроет-эти (ящики)», где конечная морфема *-н*, противостоящая морфеме *-с*, выступает в качестве показателя многократного способа действия. В связи с этим зримым процессом переосмысления морфема *-с* из словоизменительного показателя преобразуется в словообразовательный аффикс однократного способа

⁸ M. A. C a s t r é n, Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1858.

⁹ Нельзя не отметить, что с детерминативом *χ* ~ *к* теснейшим образом связана проблема форманта *χ* ~ *к*, который иными исследователями считается показателем каузатива. Между тем из сымских данных явствует, что *χ* ~ *к* никоим образом не является показателем каузатива. В сымском недопустимы конструкции типа *бу ат н'эн'быт' хидит* (они понимаются здесь буквально: «Он из меня хлеб стряпать будет»), возможные в имбацком. Каузатив же образуется в сымском посредством глагола *д'эчидит* «он-меня-пошлет; он меня-заставит (что-то делать) и т. д., *д'эчадди* «он-меня-посылает; он меня заставлял (что-то делать), *бу ат н'эн'быт д'эчадди* «он меня заставлял делать (стряпать) хлеб» и т. д.

¹⁰ Эта корневая морфема, обнаруживаемая и в коттском, дает возможность объяснить имбац. *мамсут* «сосет» как сложный глагол «грудь сосать». Такие уточнения возможны и в дальнейшем, но они ничего не изменяют в установленной нами системе, кроме переименования глаголов из одного структурного типа в другой. В связи с разъяснением природы детерминативов некоторые глаголы, относимые нами ранее к I типу, должны быть передвинуты в глаголы V типа.

действия, составляя конечный компонент прерывной основы *уск- — с* «открывать- — -раз».

В результате ед. число субъекта действия оказывается выраженным в имбацком глаголе нулевым показателем, а мн. число субъекта действия — показателем *-н*, причем этот показатель наращивается на показателе *-с*, который в имбацком воспринимается уже как показатель многократного способа действия, а в смыском еще продолжает выступать в роли показателя ед. числа субъекта действия. (В данном случае в имбацком глаголе произошел процесс, аналогичный тому, который наблюдается в смыском имени, см. выше, стр. 85.) Если же мы рассмотрим теперь имбацкий глагол однократного способа действия *дунантит* «он-расколет-это (пополам, т. е. один раз ударит по чурбаку топором)», то из сравнения его с тождественным смыским глаголом можно заметить, что показатель однократности *с ~ ш* в нем выпал, а вместо него в глаголе выступает показатель многократности *н*, которому здесь не место. При обращении же к имбацкому глаголу многократного способа действия *дус'нантит* «он-расколет-это (на много частей)» выясняется нечто неожиданное: оказывается, что многократность выражается в нем морфемой *с*, которой в смыском передается однократность. Следовательно, в имбацком произошло переосмысление морфемы однократного способа действия, которая превратилась в показатель многократности, а подлинная морфема многократного способа действия *-н* полностью асемантизировалась, сохранившись в глаголе в качестве мертвого и пустого элемента.

Процесс полного выветривания из полнозначной морфемы ее бывшего семантического содержания представляется с общелингвистической точки зрения настолько важным, что для подтверждения его привлечен еще один пример, взятый из языка сымских кетов. Имеется в виду асемантизация морфемы класса вещей *-н ~ -б-* (см. глаголы, помещенные в последних четырех строках табл. 2): *кидар т к-а-п-чи (к-о-б-ы-н-чи)* «нитку я порву (порвал)», *кидар т к-а-б-а-чи (к-о-б-ы-н-а-чи)* «нитка порвется (порвалась)»; *абыфын со'лдицыр т к-а-ј-а-чи (к-о-н-а-чи)* «мой сын от нарты оторвется (оторвался)». Инфиксация в глагол показателя мужского класса *-а/-о-* группы Д вызвала, как это можно видеть, опущение показателя класса вещей *-б-*. От переходного глагола *к-а-п-чи* «это-порвать» в смыском образуется сложный глагол со значением «царапать» посредством препозиционного присоединения к нему корневой морфемы *эн-* (ср. *и'н' «коготь», ин'иц' «когти»*): *хој бак дэнганчи* «медведь чурбак царапает» («он-это-царапает»), но *хој уш дэн-а-ганчи* «медведь березу царапает» («он-его-царапает»), *хој ушин дэн-ац-ганчи* «медведь березы царапает» («он-их-царапает»). В двух последних словоформах к компоненту глагола *-ганчи < ганчи* присоединились показатели 3-го лица группы Б-а «он; его», *-ац* «они; их», но классный показатель *-н-* при этом не выпал (чего можно было бы ожидать), но остался в глаголе как пустая морфема, которая не может выпсть из него, не разрушив его структуры и значения. О том, что *-н-* в рассматриваемых словоформах представляет собой асемантизированный показатель класса вещей, особенно убедительно могут свидетельствовать формы императива — обычно в них всегда выпадает и показатель класса вещей, и развившаяся из него асемантизированная морфема; *ганчи* «порви-это» (ср. *ганчи* «порву-это», *кобынчи* «спорвал-это»); *энганчи* «поцарапай-это», *эн-а-ганчи* «поцарапай-его», *эн-ац-ганчи* «поцарапай-их». Привязывать к таким асемантизированным морфемам, в частности — к асемантизированной классной морфеме *-б-*, какое-либо грамматическое значение недопустимо.

Примечательно, что некоторые детерминативы способны замечать друг друга, что и дало нам основание для выделения этих морфем в осо-

бую группу, требующую еще своего изучения. Рассмотрим с этой точки зрения сымский и имбацкий глаголы *н-ајаdл:ʒ* «он-шевелится». Нетрудно заметить, что это один глагол, хотя в сымском он образуется от инфинитива *нл:ʒ* «шевелиться», а в имбацком — от инфинитива *dлʒ* «шевелиться». При сопоставлении этих инфинитивов становится очевидным, что в сымском инфинитив образован при помощи детерминатива *н-*, а в имбацком — при помощи детерминатива *д-*. Выше уже было показано, что детерминатив *-н-* развился из показателя мн. числа. Значит, можно предположить, что детерминатив *д-* генетически также восходит к тому или иному числовому показателю. Это предположение подтверждается единичными глаголами движения, например:

Ед. число субъекта действия   Мн. число субъекта действия

<i>д-лт-а-д-д-ах</i>	«я-в-лес-иду»	<i>д-лт-а-даң-ут</i>	«мы-в-лес-идем»
<i>к-лт-а-в-д-ах</i>	«ты-в-лес-идешь»	<i>к-лт-а-гаң-ут</i>	«вы-в-лес-идете»
<i>д-лт-а-ј-д-д-ах</i>	«он-в-лес-идет»	<i>д-лт-а-ј-аң-ут</i>	«они-в-лес-идут»

Этот сложный сымский глагол образован из двух корневых морфем со значением «ходить» — *ах* и *ут* (ср. *ʒгʒʒ ʒт* «сюда иди»), расположенных в его конце, и из корневой морфемы *лт-*, указывающей на направление от реки в лес. В словоформах ед. числа перед корневой морфемой *-ах* расположен детерминатив *-д-*, которому в соответствующих словоформах мн. числа в показателях *д-а-ң*, *в-а-ң*, *-а-ң* противостоит формант мн. числа *-ң-*, а это наглядно демонстрирует числовую природу детерминатива *-д-*¹¹.

Однако установленное определяет лишь одну особенность значения детерминатива *-д-*, но не исчерпывает всей его семантики.

(<i>тот'</i>) <i>ду-ј-тыʒр</i>	«(таймень) он-мерзнет»	(<i>тот'</i>) <i>д-и-н-тыʒр</i>	«(таймень) он-замерз»
(<i>к'эс'</i>) <i>дл-ј-тыʒр</i>	«(налим) она-мерзнет»	(<i>к'эс'</i>) <i>да-и-н-тыʒр</i>	«(налим) она-замерзла»
(<i>чыʒ</i>) <i>бим-б-а-тыʒр</i>	«(голова) это-мерзнет»	(<i>чыʒ</i>) <i>б-и-н-тыʒр</i>	«(голова) это-замерзло»

«Факты кетского языка дают основание предполагать, что с компонентом *д*, от которого образованы глагольные префиксы мужского и женского классов *дэ* и *д* [а также *ду*, *-дл-*, *дʒ-*], связывалось представление о целостном живом организме...: *һих дэм'ковон* „мужчина показался“, *дим дэ эм'ковон* „женщина показалась“, но *асл'иньн эм'ковон* „лодка показалась“; в последнем случае префикс *д* ~ *дэ* при глаголе отсутствует, так как речь идет не о живом организме, а о вещи, указание на которую производится посредством показателя *в*. Следует сказать, что кетскому языковому сознанию свойственно противопоставление представления о целостном организме представлению об организме, расчлененном на части»¹². Целостный организм обозначается в кетском показателем *д*, а часть организма — показателем *б* ~ *в-м* ~

¹¹ Нами отмечалось, что показатели ед. числа группы Б сочетаются с детерминативами *т*, *к*, в числовой природе которых мы теперь убеждены.

¹² Е. А. Крейнов и ч. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке, ВЯ, 1961, 2, стр. 114. В связи с излагаемым нужно отметить, что в одной из последних книг по кетскому языку утверждается, будто нами производится такое сопоставление «классных» показателей у глагола...: *у* „он“, *ы* „она“, *б* „оно“ (*дујак* „он гниет“, *дыјак* „она гниет“, *бимбак* „оно гниет“). Тут надо противопоставить *д* (одушевленный предмет, лицо) показателю *б* (неодушевленный предмет, вещь)...». Приписываемое нам сопоставление неверно. Тут противопоставляются нами показатели *ду* - «он», *ды* - «она», *би* - «это» (см.: 1935, стр. 179, 180, 181). Противопоставление же показателя *д* показателю *б* впервые установлено нами в цитируемой статье 1961 г.

~п. Представление о целом и части в кетском, несомненно, берет свое начало в глубинах каменного века и связано с дележом целого животного, убитого охотниками, на части. Не случайно слово *длү/длэ* «жизнь» начинается в кетском с детерминатива *д-*, обозначающего живое, а в слове *д'эң* «люди» как будто можно выделить *д ~ д'* со значением единичной живой особи, к которому присоединен показатель множественного числа *-эң*. Не случайно и то, что этим словам в кетском противостоит слово *боң* «мертвец», начинающееся с показателя класса вещей *-б-*, обозначающего части целостного организма, как *биң* «рука», *бул* «нога», *бајбыл* «почка», *батпыл* «коленная чашечка», *бајбыл* «коса», *бин* «кусочек рыбы»¹³. Несомненно эти факты не случайны, что подтверждается также анализом сымских глаголов «есть» и «изорвать».

<i>ди-ј-а-д-оҳ</i>	«я-его (осетра)-ем»	<i>душин-д'-а-д-ду</i>	«он (медведь)-меня-изорвет»
<i>ди-ј-а-д-и-гин</i>	«мы-его (осетра)-едим»	<i>д-ушин-д'-а-г-ду</i>	«он-тебя-изорвет»
<i>ку-а-д-оҳ</i>	«ты-его (осетра)-ешь»	<i>д-ушин-д'-а-ј-ду</i>	«он-его-изорвет»
<i>ку-а-д-и-гин</i>	«вы его (осетра)-едите»	<i>д-ушин-д'-и-ј-ду</i>	«он-ее-изорвет»
<i>ди-ј-д-оҳ</i>	«я-ее (налима)-ем»	<i>д-ушин-а-б-ду</i>	«он-это (кишки)-изорвет»
<i>ди-ј-д-и-гин</i>	«мы-ее (налима)-едим»	<i>д-ушин-д'-а-даң-ду</i>	«он-нас-изорвет»
<i>ди-п (ди-б-а)</i>	«я-это (голову)-ем»	<i>д-ушин-д'-а-гаң-ду</i>	«он-вас-изорвет»
<i>ди-б-а-п</i>	«мы-это (голову)-едим»	<i>ду-ушин-д'-аң-а-д-ј</i>	«он-их-изорвет»

Анализ первого глагола позволяет в его основе *доҳ* «есть целостный организм» выделить детерминатив *д-* со значением целостности в противоположность детерминативу *б-* со значением части, который вычленяется в глагольной форме *дип* «я-это-ем».

Рассматривая второй глагол, можно заметить, что после деривационной морфемы *ушин-* расположился детерминатив *д ~ д'* как знак целостного и живого организма: *д ~ д'* проходит красной нитью через все спряжение этого глагола — за исключением словоформы, в которой объект представлен классом вещей, т. е. где речь уже идет об объекте, представленном не целостным организмом, но его частью. В кетском сохранилось не более десяти переходных глаголов, где детерминатив *д* обозначает целостный и живой организм (прямое значение детерминатива). В другой группе единичных глаголов этот же детерминатив выступает только перед показателями 3-го лица. В третьей же группе, представленной единичными глаголами, он является асемантизированной морфемой.

Рассмотрим с этой точки зрения два сымских глагола:

<i>п-а-д-д-л : ?ј</i>	«я-шевелюсь»	<i>д'-э-ј-багаб-д-аҳ</i>	«он-меня-бросит»
<i>п-а-г-д-л : ?ј</i>	«ты-шевелишься»	<i>д'-э-ј-кугаб-д-аҳ</i>	«он-тебя-бросит»
<i>п-а-ј-а-д-л : ?ј</i>	«он-шевелится»	<i>д'-э-с'-агаб-д-аҳ</i>	«он-его-бросит»
<i>п-а-ј-а-д-л : ?ј</i>	«(она)-шевелится»	<i>д'-с'-киј-д-аҳ</i>	«он-ее-бросит»
<i>п-а-м-а-д-л : ?ј</i>	«это-шевелится»	<i>д'-э-с'-каб-д-аҳ</i>	«он-это-бросит»
<i>п-а-даң-д-л : ?ј-ын</i>	«мы-шевелимся»	<i>д'-э-ј-даңаб-д-аҳ</i>	«он-нас-бросит»
<i>п-а-гаң-д-л : ?ј-ын</i>	«вы-шевелитесь»	<i>д'-э-ј-гаңаб-д-аҳ</i>	«он-вас-бросит»
<i>п-а-ј-аң-д-л : ?ј-ын</i>	«они-шевелются»	<i>д'-э-с'-аңаб-д-аҳ</i>	«он-их-бросит»

¹³ Выявляемые нами факты находят и материальную и типологическую параллель в баскских названиях «частей тела на *b* (*begi* „глаз“, *belarri* „ухо“, *bihotz* „сердце“, *beso* „рука“, *belaun* „колени“, *bular* „грудь“ и др.)» (Ю. В. Зыцарь, О родстве баскского языка с кавказскими, ВЯ, 1955, 5, стр. 58). Ср.: А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 581—582.

Первый глагол имеет прерывную основу *н* — *-л:ʔj*, образованную от инфинитива *нл:ʔj* «шевелиться». Наряду с показателем времени и лица в эту основу инфигируется еще детерминатив *д*, располагающийся перед конечной корневой морфемой *-л:ʔj*. Однако в данном глаголе детерминатив *д* не может уже рассматриваться в качестве показателя целостного и живого организма, поскольку он не выпадает из словоформы, относящейся к классу вещей: *ит нама-д-л:ʔj* «зуб шевелится (это-шевелится)». Не выпадает он из словоформы, относящейся к классу вещей, и во втором глаголе *ит д'эс'каб-д-ах* «зуб он-это-выбросит». Если бы детерминатив *д* выступал в этих глаголах как показатель целостного и живого организма, то должен был бы выпасть из словоформ, относящихся к классу вещей. Сохранение его в этих словоформах говорит о том, что он выступает уже здесь в ином качестве — как асемантизированная морфема. Как асемантизированная морфема он выступает также и в единичных составных глаголах со значением становления: *бис д'-абън* «вечер настанет», но ср. *таj абън* «холод настанет». Приведенные факты показывают, что дать однозначное решение для детерминатива *д* в современном кетском языке невозможно¹⁴. Примечательно, что детерминатив *д* выступает как показатель целостного и живого организма только перед личными показателями группы Д, перед личными показателями же группы Б он ни к о г д а не выступает. В последних случаях вместо него выступают детерминативы *j*, *с*, также, по-видимому, обозначающие целостный и живой организм: *j* перед первыми двумя лицами, а *с* — перед третьими лицами. Эти детерминативы выделены нами во втором глаголе *д'э-j-ба-габдах* «он-меня-бросит» и т. д. Следует указать, что во втором глаголе конечный компонент *-дах* выступает как целостный показатель однократного способа действия, который в многократном способе заменяется другой морфемой *-е'м'*, *-эj* либо *-и' ~ -и'*. Таким образом, конечный компонент *-дах* во втором глаголе может представлять собой омертвевшую корневую морфему.

При исследовании в кетском языке реликтовых морфем, условно названных нами детерминативами, необходимо особо отмечать случаи, когда с ними связывается то или иное реальное значение, и отграничивать от них те случаи, где они его полностью утратили. Только при таком подходе можно будет установить правильную историческую перспективу в области изучения детерминативов, с которыми связаны наиболее древние доступные нам периоды развития кетского языка. При этом надо иметь в виду, что генетически детерминативы выражали и числовые, и классные представления. В енисейском языке-основе числовые показатели, несомненно, передавали не одни только числовые представления, но и некоторые дополнительные классные представления, подобно тому как в нивхском языке числительное *н'ин* «один» употребляется для счета людей, числительное *н'ик* «один» — для счета мелких круглых предметов, а числительное *н'рах* «один» — для счета плоских предметов и т. д.¹⁵ Однако в кетском эти классные представления давно стерлись, а в языке пережиточно сохранились десемантизированные и полностью асемантизированные числовые морфемы. Факты показывают, что этих числовых морфем было немало; так как они были присущи не только именам, но и пронизали собой многие глаголы, то в современном языке эти реликтовые морфемы предстают перед взором исследователя в виде обломков существовавшей некогда системы. Можно предполагать, что одним из важнейших дифференцирующих признаков в этой древней системе было отражение в язы-

¹⁴ Ср.: А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 194, 207, 282, 495 и др.

¹⁵ Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные, Л., 1931, стр. 5, 6; В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 190 и сл.

ке представлений о социальной структуре древнего общества енисейцев. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые термины родства и свойства сымских кетов:

<i>х̄ачит</i>	«старик»	<i>ха:м</i>	«старуха»
<i>бахат</i>	«старик»	<i>бахам, бахом</i>	«старуха»
<i>чет</i>	«муж»	<i>чим</i>	«жена»
<i>хип</i>	«дедушка»	<i>хима</i>	«бабушка»
<i>о'п</i>	«отец»	<i>а:м</i>	«мать»
<i>бис'эп</i>	«брат»	<i>бис'эпха:м</i>	«сестра»
<i>фы:п</i>	«сын»	<i>фу:п</i>	«дочь»
<i>фик</i>	«мужчина»	<i>чим</i>	«женщина»
<i>э: ?н'</i>	«зять»	<i>э: ?нам</i>	«невестка»

Все эти термины сложные, причем обозначения женщин характеризуются знаком *-м*, материально совпадающим с одним из показателей класса вещей *-б- ~ -м- ~ -в- ~ -п-*. Термины родства, относящиеся к мужчинам, характеризуются тремя показателями *-т, -п, -к*. То, что слова *э: ?н'* «зять» и *фу:п* «дочь» оканчиваются одним показателем *-п*, видимо, также не случайно. Остановимся здесь только на тех терминах, которые имеют непосредственное отношение к затронутой нами теме: *х̄ачит* «старик», но *хипчети* «старик», *ха:м* «старуха», но *ха:ц̄эм̄н* «старухи». При сравнении первых компонентов этих сложных слов с формами числа качественного имени *хэ?* «большой» (*хэхуш* «большой чум», *хэц̄ хун* «большие чумы») нетрудно этимологизировать термины «старик — старики» как «большой муж — большие мужья» (*чет* «муж»), а термины «старуха — старухи» — как «большая мать — большие матери» (*а:м* «мать») ¹⁶ или как «большая *-м* — большие *-м*». Следовательно, в терминах *хип/хип* «дедушка», *хима/хима* «бабушка» мы вправе усматривать древние стершиеся корни качественного имени *хэ?* «большой», которые позволяют этимологизировать их как «большой *-п*», «большая *-м-а*» ¹⁷; на этом основании можно предположить, что в древнем обществе енисейцев высшим социальным рангом признавалось самое старшее поколение.

Имена существительные в сымском и имбацком делятся на три класса: мужской — активный, женский — средней активности и класс вещей — неактивный. К мужскому классу имена существительные относятся не только по признаку пола, но и по признаку величины. Слова, обозначающие крупные жерди и колья, большие листы бересты и большие обручи, причисляются в сымском и имбацком к мужскому классу. Анализ терминов родства помогает уяснить причину этого явления: в данном случае произошло так, что мир социальных отношений был перенесен древними енисейскими народами в область их идеологических представлений (науке такие факты известны давно). Напомним также, что такие существительные и инфинитивы, как *хој* «медведь», *хај* «дось», *хај* «кедр», *хај* «крутой яр; гора», *хут* «взбираться на гору», *хут'* «шаманить» и др., по-видимому, отнюдь не случайно начинаются с согласного *х-* — он может представлять собой стершийся показатель ка-

¹⁶ Ср.: Г. К. Вернер, Сымско-кетская система слоговой акцентуации, «Уч. зап. [Омского пед. ин-та]», 36 — Труды кафедры гуманитарных наук, 1968, стр. 154.

¹⁷ Эти этимологии можно сопоставить с тем, как термин *фы:п/хип* «сын» распадается на два компонента *фы: -п/хип*, т. е. «маленький *-п*», поскольку первый компонент этого сложного слова сопоставляется с корневой морфемой качественного имени: *фы-на/хип-нин'эм* «маленький» (в термине *фун/хун'* «дочь», вероятно, обнаруживается этот же корень). В термине же *чет* «муж» конечный *т*, несомненно, соответствует детерминативу *д*, о котором говорилось выше. Нельзя не отметить, что компонент *-п ~ -б-*, выделяемый в кетских терминах родства, материально сопоставляется с таким же компонентом, выявляемым в баскских терминах родства (Ю. В. Зыцарь, указ. соч., стр. 58).

чественного имени $\chi a^?$ «большой». Не случайно, конечно, и то, что существительные, обозначающие крупных животных, большие деревья и другие жизненно важные предметы, образуют формы мн. числа при помощи флексии гласных, в то время как существительные, обозначающие мелких животных и мелкие предметы, образуют формы числа иными средствами; в этой связи обращают на себя внимание существительные, обозначающие такие животные, как бурундук, горноста́й, ласка, куропатка и др., которые в имбацком в ед. числе имеют показатель *-n*, а во мн. числе — показатель *-н* (см. выше стр. 86).

В заключение нашего предварительного сообщения считаем нужным еще отметить, что факты сымского языка позволяют выделить в некоторых глаголах в качестве показателя активных и живых существ формант χ , развившийся, возможно, от корня качественного имени $\chi a^?$ «большой», ср.: *дураχан* «он-утонет» и *урабън* «это-утонет». В имбацком вместо χ выступает звонкий увулярный *б*, который в имбацком в ряде случаев подвергся асемантизации, поскольку в словоформах, относящихся к классу вещей, допускается совмещение двух показателей *-сб-*: *асл' қил'авбан* «лыжа получится широкая» и т. д.

Грамматические категории класса и числа не могут еще считаться исследованными в кетском языке с исчерпывающей полнотой¹⁸. Они требуют со стороны исследователей этого языка самого пристального внимания.

¹⁸ Кетские двоянные и утроенные показатели мн. числа возможно рассматривать и в плане проявления аффиксального плеоназма (см.: Г. Ф. Благова, Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении, ВЯ, 1968, 6, стр. 97).